После битвы. От первого лица

Ольга Рощина

Ольга Рощина

После битвы. От первого лица

«Автор»
2026

Рощина О.

После битвы. От первого лица / О. Рощина — «Автор», 2026

Как помнят ночь битвы за Хогвартс те, кто ее пережил?Каким было время после того, как война с Волдемортом закончилась?Каждый персонаж рассказывает свою версию.

© Рощина О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мальчик-Который-Выжил 5
Глава 2. Рон 8
Глава 3. Джинни 10
Глава 4. Джордж 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

После битвы. От первого лица

Глава 1. Мальчик-Который-Выжил

Со временем многие подробности стали тусклее, словно подернулись пылью времени. Если честно, трудно к этому возвращаться. Словно отодвигаешь люк, смотришь в черный, бездонный колодец самых невыносимых воспоминаний, а оттуда тебе в лицо – обжигающий холод, пронизывающий до костей… Я стараюсь никогда его не открывать. Не приближаться. Даже не смотреть туда, где виднеется тяжелая крышка этого колодца. Просто знаю, что он – ТАМ, в глубине сердца. Он всегда заперт, потому что я не позволяю этому леденящему холоду управлять моей жизнью. Я не позволяю себе вглядываться в эту тьму, потому что слишком хорошо ее знаю. Даже сейчас, спустя много лет.

Все спрашивают, каким я запомнил то утро, когда все закончилось. Улыбаются, ждут великих откровений, рассказа о каких-то невероятных ощущениях от победы. Но ничего такого не было. Я был на ногах больше суток и смертельно устал. Я жаждал лишь немного тишины и покоя. Лишь когда вышел из кабинета Дамблдора, я осознал, что умираю от голода. Хотелось закрыть глаза и упасть. Ну, примерно так оно и было. Правда, в башню Гриффиндора я в то утро так и не попал (на входе был какой-то незнакомый портрет, а я не знал пароля), но мадам Помфри любезно уступила мне свою комнату.

Лишь много времени спустя я узнал, что весь день, пока я спал, у моих дверей дежурили гриффиндорцы. Если честно, это все Невилл. Пришел, сел прямо на пол, с мечом в руках. И пообещал отрезать голову любому, кто издаст громкий звук и, не дай Бог, меня разбудит… Но Невилл тоже был измотан до предела, поэтому он так и уснул сидя, сжимая рукоятку меча. И тогда рядом с ним сел еще кто-то. И еще… Так они меня и охраняли, ребята-однокурсники. Это так… Тепло. По-настоящему. Хотя в этом и не было необходимости – я почти сутки спал, как убитый. Кажется, даже ни разу не пошевелился. И выйдя на рассвете следующего дня, обнаружил у двери Рона, который громко сопел, привалившись лбом к косяку. Я старался бесшумно проскользнуть мимо, но Рон почувствовал. Вздрогнул, проснулся, поднялся. И обнял меня. Молча. И долго-долго не отпускал. И, честно признаться, в тот момент я не хотел ничего другого, потому что это было… Как возвращение к жизни. Как самый лучший якорь.

Рон… Да некому было бы сейчас откровенничать, если бы не он! Ворчливый балбес оказался самым сильным из нас. Страшное, черное горе затапливало все вокруг, застилало солнце и заполняло легкие, мешая дышать. Я разваливался на куски, бедняга Джордж попросту сходил с ума. А Рон… Он держал нас обоих.

Мадам Помфри настаивала на том, чтобы я отправился в больницу св. Мунго, что мне нужна помощь целителей. Но разве порошки и зелья могут помочь от такой черноты внутри? Я отказался. Едва выдержал похороны павших. И удрал от всех в дом на площади Гриммо. Думал, просто отлежусь в одиночестве. Чтобы никто не видел меня таким. Чтобы никого не отягощать своей тьмой. Не осквернять всеобщую надежду и радость тем ужасом, который разрывал меня изнутри. Сейчас я понимаю, что это бегство было ошибкой, но тогда мне казалось, что этим я оберегаю, защищаю их…

За те два или три дня, проведенные в полном одиночестве, я едва не спятил. Нашел на чердаке огневиски (старые запасы Сириуса). Пил прямо из горлышка, потом кружил по заброшенному дому, пинал стены, бил какие-то вазы, орал на портрет Вальбурги Блэк такими выражениями, что даже эта мерзкая ведьма заткнулась… Швырял бутылки в стену с фамильным гобеленом и снова метался по дому до изнеможения. Бедняга Кикимер плакал, тщетно пытаясь меня унять. И сидел со мной по ночам, отгоняя дурные видения, которые изматывали и мучили меня.

Из черной воронки безумия меня вынула Джинни. Буквально – пришла, взяла за шкирку и как следует встряхнула. Она не причитала, не жалела, не уговаривала – просто велела немедленно встать и умыться. Таким тоном, что никто не смог бы ослушаться. А потом снова притащила меня в Хогвартс. Помню, что я кричал на нее, что больше не могу, что ничего не хочу, чтобы все оставили меня в покое… Но едва вспышка ярости прошла, сразу осознал, что она права. Лучше заняться делом вместе с остальными, кто ремонтировал замок, чем ловить похмельных чертей и ссориться с портретом мадам Блэк…

Днем мы с Джинни работали, а после ужина уходили из замка, подальше от людей. Молча смотрели, как заходит солнце и появляются первые звезды. Это и было мое лекарство. Иногда тьма обступала со всех сторон, сгущалась и сдавливала так, что казалось, если я выпущу ее ладонь из рук, под ногами разверзнется бездна и я рухну вниз. Были минуты, когда ее руки, ее прикосновения были единственным, что вообще связывало меня с миром живых. Я не мог говорить, не чувствовал ничего, кроме чудовищной усталости и одиночества. Внутри будто все заледенело, превратилось в камень. Я не мог вспомнить, что такое радость или нежность. Внутри было так пусто и черно, будто это меня выжгло изнутри адским огнем, а не выручай-комнату… Джинни все понимала без слов. Она не торопила меня, не расспрашивала, не жалела, не дёргала. Она просто была рядом. Иногда я пытался ей грубить. Хотел улучить момент, когда она обидится, и удрать. Хотел уберечь ее, избавить от той тьмы, которая разъедала меня. Чтобы эта чернота никогда не коснулась ее сердца. Мне хотелось лишь одного – забыться, сгинуть в воронке похмельного безумия. Но она снова и снова целовала меня, гладила по голове и шептала: «Доверься мне, Гарри. Просто доверься мне…» И я слушался. Слепо. Без сопротивления, без раздумий. Потому что Джинни была единственным, что было на этом свете настоящее. Она и была – сама жизнь.

Примерно через неделю, когда Джорджу стало немного легче и его можно было оставить без постоянного присмотра, в замке снова появился Рон. Теперь меня согревали две самые яркие и горячие искорки. Два рыжеволосых солнца. Поэтому заледенелая пустота внутри стала потихоньку таять…

К тому моменту, когда из Австралии вернулась Гермиона с родителями, я уже больше месяца безвылазно жил в «Норе», окруженный самыми нежными заботами мистера и миссис Уизли. Это был уже июль. В некогда шумном, веселом и теплом доме тоже многое изменилось. Джордж ушел в себя и почти не выходил из комнаты – с ним могли общаться только Рон и Молли… А я частенько приходил к Артуру в сарай и молча смотрел, как он перебирает разные железки, что-то паяет, соединяет или разбирает. Однажды он вдруг прижал меня к сердцу. Руки у него задрожали… Потом он вздохнул и хрипло проговорил: «Спасибо…» А я даже не смог ответить. Но это было и не нужно.

День рождения я отмечать не хотел. Но Уизли все равно собрались вместе, накрыли стол. Молли испекла такой же восхитительный торт, как и год назад, на совершеннолетие. Даже Джордж съел кусочек с явным удовольствием. А после обеда Артур подарил мне то, о чем я не мог даже мечтать – стрелку с моим именем. Ну, для их волшебных часов, что показывают, где находится каждый член семьи. Стрелку с именем Фреда они нашли на полу, когда вернулись домой после похорон – она сама соскочила с крепления и выпала… И в тот день, когда мне исполнилось 18, Артур вставил в часы новую стрелку. С моим именем. Кажется, я тогда даже не стал скрывать слезы…

Рон где-то раздобыл и вручил мне забавное зеркальце, которое либо делает комплименты и отпускает ехидные шуточки, либо подбадривает, если в нем отражается совсем уж унылая физиономия. Оно здорово меня развлекало, когда брился перед ним каждое утро…

Предусмотрительная Гермиона подарила мне сомнарус. На вид это был симпатичный сувенир из нескольких колец, скрепленных осью, похожий на астролябию. Его стеклянные кольца, напоминающие бублики, были наполнены каким-то особенным песком, который Гер-

миона контрабандой привезла из Австралии. Достаточно было чуть крутануть одно из колец, как весь прибор начинал вращаться. И песок внутри колец, приходивший в движение, издавал еле слышный шелест. «Работающий сомнарус изгоняет все дурные сновидения, – объяснила Гермиона. – Этот песок есть только в Австралии. Тот, который добывают в Европе, даже вполовину не такой эффективный. Поэтому я привезла немного. И попросила мистера Уизли помочь…»

Скажу прямо: без сомнаруса мы вряд ли пережили бы то тяжелое лето. Волшебный поглотитель кошмаров кочевал из моей комнаты в комнату Джорджа, где, признаться, оставался гораздо чаще. И стал для него настоящим спасением…

Пожалуй, пора закрыть крышку колодца. Простите. Лучше не взбалтывать, не поднимать со дна этот темный осадок. Тьма, знай свое место… Одно я знаю твердо: если бы не семья, меня бы здесь не было. Молли, которая обнимала меня, как родного сына. Артур, который отвлекал меня и учил разным магловским премудростям. Немногословный и теплый старина Билл, который без единого возгласа отдал в наше распоряжение коттедж «Ракушка» на все лето. И, конечно, Рон, Джинни и Гермиона, державшие меня каждую секунду, когда под ногами разверзалась пропасть.

Без них я бы не выжил.

Глава 2. Рон

Да что рассказывать-то… Не дай Бог никому пережить такую ночь. Беготня, взрывы, крики, стены падают. Стоны раненых, тела погибших. Внутри поминутно вспыхивает то горе, то ярость такой силы, что еще немного и тебя просто разорвет в клочья…

Фред сгинул в черноте той ночи. Джордж еще лет пять после этого вообще света белого не видел… Наш Тедди в одно мгновение остался круглым сиротой. Как начнешь вспоминать, в глазах темнеет.

Мы с Гермионой метались по всему замку, искали Гарри, а потом наткнулись на Невилла. Он сказал, что видел, как Гарри куда-то отлучился и велел ему убить змею… Это был первый и последний раз, когда я видел Гермиону в таком состоянии. Все тормоза отказали. Мы с Невиллом едва удерживали ее вдвоем, а она вопила, требовала, чтобы мы отпустили ее в лес, что она пойдет с ним… А спустя час в замок пришел Хагрид. И принес Гарри. Я таращился и пытался осознать то, что вижу. Все это просто в меня не помещалось. Если Гарри мертв, то почему жив я сам? Если его нет, зачем вообще все это? Какой-то полный идиотизм. Что значит, Гарри мертв? Этого ведь просто не может быть. Все исчезло, будто в гигантской чернильнице. Смысл, свет, воздух, люди. И только когда этот паршивый гад начал что-то плести про Гарри, мол, он хныкал, умолял о пощаде и все прочее, меня будто по морде поленом треснули. И все чернила одномоментно вспыхнули, как лучший фейерверк Фреда и Джорджа. Больше никогда в жизни я не чувствовал такой ярости, как тогда. «Что ж ты плетешь-то, сукин сын. Будто я не знаю Гарри. Уж он-то наверняка сумел умереть, как мужчина. Думаешь, что все кончено? Черта с два…» Снова завязалась заварушка, опять грохот, звон стекла и свист заклятий. И вдруг у них что-то сломалось: Джордж с Ли Джорданом связали Якслы, мы с Невиллом упаковали Сивого, а Флитвик одним ударом уложил скотину Долохова…

Я никому никогда не говорил об этом. Но когда все разгорелось вновь, а пожиратели посыпались один за другим, как семечки, у меня в голове билась только одно: «Гарри». Я беззвучно орал его имя куда-то в пространство, и каждый поверженный пожиратель был для меня доказательством того, что Гарри меня слышит. Словно он по-прежнему в гуще схватки, вместе с нами. И помогает нам. Каждый раз, когда над головой летел зеленый луч, в голове вспыхивало: «Гарри! Не уходи далеко, дружище, дождись меня…»

А потом – сами знаете. Он вдруг возник из ниоткуда. Кажется, Невилл не дал мне упасть, ноги не держали… Это было что-то невообразимое, непонятное. Мы же видели его мертвым, понимаете! А он снова стоял перед нами. И… Сила, которая от него исходила. Я больше никогда не видел ничего подобного. Мы все, кто был в зале, просто вжались в стены и тут же забыли, как дышать. Боялись пошевелиться, старались расслышать каждый его вздох, каждое слово… А сила, которую излучал Гарри, расходилась по залу кругами, наполняла пространство, закручивалась спиралью. А потом – один крик, грохот. И всё. Пружина лопнула и всё закончилось. Труп на полу и Гарри, выжатый, ослабевший, стоит в лучах рассветного солнца, опустив плечи…

Я не помню, как рванул вперед. Но когда вцепился в него, когда ощутил, что он действительно живой, теплый, из плоти и крови… Я будто родился второй раз. Из него будто вся энергия вышла. Просто стоял молча, а его тянули в разные стороны, будто каждый стремился оторвать от него кусок получше. А мне хотелось схватить его в охапку, утащить подальше, спрятать. Огромная толпа теснилась вокруг, невозможно было вырвать Гарри у всех этих людей, как я ни пытался. Его терзали все утро, а он молча терпел. Откуда силы, так и осталось загадкой…

Что потом? Тяжко было, если честно. Гарри сбежал сразу после похорон, решил, что требовать к себе внимания это эгоизм, что он не должен никого напрягать… Я бы бросился за

ним и приволок обратно, но Джордж в те дни был совершенно невменяемый, его нельзя было оставить даже на минуту. Я хоть как-то мог с ним сладить. Джинни ухаживала за матерью, папа был с Перси…

Помню, что мы вернулись домой, а стрелка из часов с именем Фреда лежит на полу кухни. Мама подняла. Ей стало плохо. Но вообще они с отцом держались героически. А вот Джордж… Он закрылся у себя и вообще перестал выходить. Не ел, не разговаривал. Мама пыталась – без толку. «Да, мам. Хорошо, мам. Потом…» и все в том же духе. Односложные ответы одним и тем же бесцветным тоном. И взгляд пустой…

Вечером я слышал, как на плече отца рыдает мама. «Я не могу его потерять, не могу…» Не выдержал. Вломился к Джорджу, как тролль в туалет. Он был, как призрак. Серый, осунувшийся. «Мы с Фредди заняты, ты нам мешаешь, Рон!» Понимаете, он… В общем, с зеркалом шептался. Полная психушка. Первым делом я, разумеется, расколотил это зеркало. Ох, Мерлиновы кальсоны, как же Джордж на меня орал… Я думал, дом рухнет. Осколки пытался схватить. Пришлось силу применить. Но этот взрыв… В общем, сработало. Пришлось еще три или четыре дня провести с ним, но зато его кошмарное оцепенение закончилось. Когда он заплакал, я вздохнул с облегчением…

Мы с ним каждый день ходили на аллею павших. К Фредди. Он часами мог там сидеть. Молча. Как тень. Я не видел ничего страшнее…

Потом стало чуть полегче. Джорджи заговорил с мамой, потом с отцом, стал спускаться к обеду, и стало понятно, что дело пошло на поправку. Ну, и я рванул к Гарри. Я едва мог его узнать, если честно. Не, он был совершенно адекватный, ничего такого. Но все равно жутко. Даже трудно объяснить. Ну, будто от человека только черно-белая штриховка осталась. Говорил вежливо, ровно так, безо всяких эмоций. Полнейшая отключка. Джинни выгуливала его по вечерам, он послушно ходил с ней, как собака. Попросишь сесть – сядет. Попросишь что-то сделать – сделает. А глаза пустые. Ну, в общем, я забрал его в «Нору», чтоб не метаться между Хогвартсом и домом. Как ни странно, но Гарри начал подавать признаки жизни, только когда Джорджа увидел, его состояние… Мы проговорили с ним всю ночь. Тогда, наконец, в Гарри сломался «супермен». Он снова стал собой. Настоящим. Знаете, передо мной тогда был будто не взрослый парень, а совсем мальчишка, который до смерти испугался ночной грозы… Доверчивый, как котенок. Идиот, он ведь еще прощения у меня просил, что грузит меня своими трудностями. А я ругался шепотом, на чем свет стоит. Чтоб не разрыдаться, как маленькому…

Как я с этим справлялся? Будто у меня были какие-то другие варианты. Гарри надо было собирать по кускам. Про Джорджа я вообще молчу… Что еще мне было делать? Сжать зубы и волочь. А как иначе-то? Или я похож на урода, который распустит нюни и бросит брата на съедение дементорам? Черта с два…

Меня Гермиона в то лето спасла. Когда вернулась из Австралии. Мы решили все вместе пару недель в «Ракушке» пожить, у моря. Джинни приглядывала за Гарри, а меня Гермиона взяла в оборот. Ох, если бы не она…

Да, все уже в прошлом. Проехали. Конечно, иногда и ко мне это возвращается. Я ж тоже не из железа. Но к этому привыкаешь. Как человек привыкает жить без ноги или без глаза. Я привык каждый день скучать по Фредди и приглядывать за Джорджем и Гарри. И если я должен держать их, значит, буду держать.

Джордж – мой брат. И я люблю его.

А Гарри… Он просто Гарри. Он даже больше, чем брат. Мы же с ним как две стороны одного галлеона. Я без него никак. И он без меня.

Так и живем.

Глава 3. Джинни

Если рассказать честно о том, что мы тогда пережили, то половина текста будет состоять из отборных ругательств, а вторая половина — из истошного воя…

Гарри пропал на целый год. Я изнывала на дурацких уроках, терпела хамство Кэрроу, и каждый день сгорала от тревоги за мое самое драгоценное «Нежелательное Лицо Номер Один». И за брата, ушедшего с ним. И за свою лучшую подругу, объявленную в розыск как крайне опасную преступницу… Отсутствие новостей, как известно, тоже новость. И каждый раз, не обнаружив на первой полосе «Ежедневного пророка» ни единого слова о поимке Гарри, я могла перевести дух. И ждать следующего утра…

И в ту ночь я впервые за много месяцев увидела его в выручай-комнате. Мы на миг встретились взглядами. Изумрудная вспышка самого обжигающего пламени — и он снова отвел глаза. Но я все поняла: ничто не изменилось. Ни наша любовь, ни его решимость. И в ту минуту он по-прежнему продолжал свой путь. Исполнял свое проклятое предназначение. Свой долг. Гарри всегда был таким, и я всегда это знала. Пока он не отдаст другим людям все, что должен, до последней капли, он не остановится. Не обернется. И бессмысленно терзать его хныканьем, уговорами или претензиями. Это не заставит его передумать — лишь сделает ношу вдвое тяжелее. Нет, я лучше умру, но никогда не добавлю даже грамма к грузу, который он несет на своих плечах… Он никогда не жалуется, просто тащит, сцепив зубы. Вечная самоотверженность, вечное геройство, доходящее до идиотизма. Наверное со стороны это выглядит красиво. Эдакий романтический герой без страха и упрека. Лишь я знаю, какой страшный огонь пожирал его сердце, когда он усилием воли отрекся от счастья, от любви, от жизни. Когда отпустил меня. Вернее, пытался отпустить — ни одной секунды я не чувствовала себя свободной от него. Мне никогда и никто не был нужен, кроме Гарри. И он знает это…

В ту ночь я была со всеми. С годами сама битва сбилась в памяти в бесформенный комок из взрывов, пыли, криков, чудовищного страха и не менее чудовищного гнева. Мы сражались, пытались защититься, выжить. Помочь другим… И то страшное затишье. Мертвый Фредди с улыбкой на посиневших губах. Почерневший, будто сгоревший заживо Джордж… Стоны раненых среди горящих руин, их нужно было вытащить, успокоить, отнести в укрытие. Я была там, вместе со всеми. Плакала, утешала маму, потом пыталась помочь раненым. Но, если честно, все это имело какой-то смысл только потому, что где-то в чернильной тишине той ночи я постоянно слышала дыхание Гарри. Просто знала, что он жив. Потому что из биения его сердца была соткана вся моя вселенная.

А потом — ЭТО. Рыдающий Хагрид, а у него на руках… Даже сейчас все внутри начинает болеть, как вспомню. Это было противоестественно, страшно и странно: я своими глазами видела его тело, видела безутешное горе Хагрида, который прижимал его к сердцу. А мозг все равно отказывался обрабатывать эту информацию. Весь мой организм отторгал эту картину, эту реальность. Если я дышу, значит, Гарри просто не может быть мертвым! Ведь он — мой воздух…

Этот гад что-то говорил. Глядел свысока на лежащее на траве тело и издевался, глумился… Никогда не слышала более неправдоподобной и более жалкой лжи. Мой Гарри, который был способен без единого стона вырвать из груди сердце и уйти, не оглядываясь, если только это поможет спасти мир… Он принял бы смерть, глядя ей прямо в лицо. Он за всю жизнь ни разу не струсил. И никогда бы не дрогнул! Это была не просто ложь — это было кощунство.

Меня всю трясло, я едва не бросилась на эту падаль, спасибо, кто-то из стоявших рядом удержал. До сих пор не знаю, кто это был. И в ту же секунду оглушительный, нереальный кошмар взорвался, как петарда. Молодчина Невилл, не подвел. Всегда знала, что он гораздо храб-

рее, чем все думают. Ну, и понеслось. Снова крики, грохот, вспышки заклятий, град стрел. Все смешалось, на меня налетела Гермиона, потом подбежала Полумна. И мы втроем снова оказались в самой гуще… Искаженное, страшное лицо хохочущей Беллатрисы мне иногда снится до сих пор. Когда ее заклятие пролетело в дюйме от моей головы, я даже не успела испугаться — страх парализовал меня лишь в следующее мгновение, когда мама, на ходу сбрасывая мантию, отшвырнула меня с дороги и сама бросилась в бой. Я не могла даже вздохнуть от ужаса — Фредди, Гарри, Люпин и Тонкс. Если еще и мама…

Страхи были напрасны: моя нежная, щедрая, заботливая, добрейшая мамочка разделала эту мерзкую ведьму, как ростбиф на кухонном столе. Это было великолепно и даже немного страшно, ведь мама разве только огонь не изрыгала. В общем, против нее у Беллатрисы не было ни единого шанса…

А дальше… Гарри вернулся. Мы с девчонками держались друг за дружку. Я чувствовала, как Гермиону всю колотит, она едва держалась на ногах. А я… Если честно, в том зале я наверное была единственной, кто не был шокирован его появлением. В мироздании просто все встало на свои места. Я ЗНАЛА. Если я дышу, если мое сердце бьется, значит, Гарри жив! Просто не могло быть по-другому, понимаете?

Он был в центре, стоял напротив той гниды, смотрел ему в глаза и говорил. Так спокойно, так просто. Безо всякого пафоса. Но каждое слово было заряжено невероятной силой и летело в пространство, как арбалетный болт. Как камень в воду, от которого потом расходятся круги. Я чувствовала эти волны, все их чувствовали. Гарри был такой… Не знаю даже, как описать. Он впервые действительно был Гарри Поттером. По-настоящему стал самим собой. Тем, кого я угадала и полюбила с первой же встречи. Прямая спина, отважный, пронзительный взгляд. Ни капли страха, сомнений или гнева. Полное самообладание и свобода. Это был мой Гарри. Он будто видел то, что было скрыто от других. Слушал пространство, отсчитывал секунды и ждал подходящего момента. А сила, которая кругами расходилась от него по залу, сворачивалась, сгущалась и концентрировалась в ладони, в которой он держал волшебную палочку…

Все кончилось мгновенно. Одним взрывом. И кольцо, сжимавшее всех нас, наконец лопнуло. И стало тихо. Я еще секунду или две просто смотрела на него. И знаете, все исчезло. И эта мощь, которую он излучал, и чудовищное напряжение, которым был заряжен воздух. Кажется, Гарри тяжело перевел дух, опустил плечи. И после этого мы все будто очнулись от цепенящего заклятия. И устремились к нему…

Первым был Рон, разумеется. Он налетел на него сзади, вцепился в плечи и заплакал, как ребенок. Я смогла лишь на несколько мгновений схватить его за руку, просто чтобы удостовериться, что это не сон. Что все происходит на самом деле. А потом я отошла в сторону, а Гарри утонул в огромной орущей толпе, которая рвала его на части. Он позволял им всё и не говорил ни слова… Да, в его духе — отдать всего себя, до последней капли. Только так он мог, наконец, все это закончить. И лишь после этого мы с ним могли начать всё сначала.

А что потом? Я всегда знала, что с ним не будет легко. Гарри никто не учил просить о помощи. Ему с детства вбивали в голову, что показать кому-то свою уязвимость и боль — это стыдно. Его боль для Дурслей была лишь поводом для насмешек. Он привык справляться со всем один, сцепив зубы.

В общем, Гарри по привычке наглухо зачехлился и замолчал. Очень долго молчал. Вначале попытался даже удрать от всех, закрылся на площади Гриммо, как в гробу… Потом позволил мне просто быть с ним рядом. Правда, иногда пытался изобразить грубияна — чтоб меня отогнать. Думал, что я уйду. Дурачок… А когда становилось совсем худо, прятал лицо у меня на плече и замирал. Мы с ним могли часами так сидеть. Лед таял медленно…

Его несколько лет мучили кошмары. Он очень долго не мог засыпать в одиночестве, а попросить кого-то побыть рядом было для него подвигом, сравнимым с убийством василиска… Но ему даже не нужно было просить. Мы понимали… Сначала его мама укладывала. Знаете,

почти как малыша. Разве что колыбельные ему не пела… Гарри не мог ее оттолкнуть. И так понемногу научился принимать помощь и заботу. Перестал стесняться и сердиться. Потом Рон сидел с ним. Иногда я. И, конечно, у нас дома была лучшая коллекция сонных зелий в стране. Даже Рон, который всегда терпеть не мог зельеварение, стал экспертом по приготовлению самых разных снотворных отваров.

Гарри сильный. Наверное, самый сильный человек, которого я знаю. И, конечно же, он научился жить заново. Привык к тому, что у него есть семья, что его любят и всегда поддержат. Потихоньку оттаял, ожил, начал улыбаться. Видели бы вы, как они с Роном отрывались на нашей свадьбе, которую мы сыграли спустя два года! О том, как веселились два наших знаменитых жениха, до сих пор легенды ходят. Хотя, признаюсь честно, и мы с Гермионой тоже не сидели в сторонке…

Все хорошо. Правда. Он лучший муж и лучший отец, какого можно вообразить. От него невозможно скрыть даже малейшую занозу — он всегда чувствует, когда мне плохо. Когда я злюсь или расстроена. Когда мне нужна помощь. Нам всегда хорошо вместе. А для младшего поколения семьи Уизли Гарри — кумир и настоящая душа компании. Он часами возился с ними, пока они росли. Ползал на коленках по всему дому, строил настоящую железную дорогу, устраивал битвы на подушках. Когда внуки собирались у бабушки в «Норе», Гарри всегда был с ними. Да что там говорить! Они до сих пор беззастенчиво вьют веревки из «дяди Гарри», а нашей младшей, Лили Луне, достаточно состроить грустное личико — и папа уже готов в лепешку разбиться, чтобы его драгоценная девочка улыбнулась…

Кстати, Рон такой же сумасшедший папаша. Гермиона в первые годы еще пыталась призвать его к здравомыслию, но без толку. Так что строгие родители — это мы с Гермионой. Нашим папам это испытание оказалось не под силу.

Да, сейчас все хорошо. Но нельзя сказать, что прошлое осталось позади. Есть раны, которые не заживают до конца. У Гарри до сих пор бывают дни, когда чернота поднимается из темных глубин памяти… У него сразу меняются глаза. И мы все хорошо знаем этот застывший взгляд, обращенный куда-то вглубь себя. Но теперь он уже не прячется, как раньше. Теперь он знает, что если довериться другу, разделить с ним свою ношу, станет гораздо легче.

С Гарри непросто. Но он всегда слышит меня. Он каждый день учится. А я… Я люблю его. Любым. Всегда.

И Гарри знает это.

Глава 4. Джордж

Битва за Хогвартс. Хорошенькая задачка…

Не каждому выпадает шанс рассказать о собственной смерти. Но мой врач давно меня предупреждал, что однажды мне обязательно нужно будет сделать это. Вынуть это, вывернуть наизнанку, вытряхнуть из себя. Почему бы не сделать это сейчас?

Я умер в ту ночь.

Нет, это не красивое выражение и не преувеличение.

Первый раз в жизни мы с ним были порознь. Не спрашивайте — я не помню, почему так вышло. Почему меня не было рядом с ним в тот миг. Где я был…

В первые годы мне часто снилось, что я бегу по коридорам Хогвартса, пытаюсь его найти. А когда наконец нахожу, протягиваю руки, он улыбается, взмывает вверх и улетает через разбитое окно… Он всегда в своей старой спортивной мантии для квиддича. Алое пятно его мантии исчезает в черноте ночного неба, а я остаюсь стоять внизу и смотрю в это проклятое окно.

Кажется, я до сих пор там стою. Хотя прошла чертова прорва времени.

Он ведь не просто мой брат — он это я. Лучшая часть меня самого.

Это была не боль — это смерть. Я был вырван из своего тела. Туловище без души — самое главное он унёс с собой.

Я хотел последовать за ним. Великий Мерлин! Это всё, чего я хотел. Но когда схватка разгорелась вновь, мы щелкали этих мразей, как тараканов, одного за другим, без всякого ущерба. И — что за проклятье! — у меня ни единой царапины.

Что было потом? Я почти ничего не помню. Какие-то обрывки. Большой зал и его бледное лицо в гробу. Кладбище. Мамины рыдания. А дальше — черный провал. Где я был и что делал? Лучше спросите у Рона. Он все это видел. Первое, что встает перед глазами, когда я пытаюсь восстановить события в памяти — это драка с Роном. Помню звон разбитого стекла. Как он со всей дури съездил мне по морде, а потом связал простыней, опрокинул на пол и молча сидел рядом, слушая все, что я думаю о жизни, о смерти, о нем, об этом чертовом мире и о своей чертовой судьбе. В конце концов я устал и охрип, а он просто сгреб меня в охапку и разрыдался. И его слезы… Они были горячее, чем расплавленный металл. Мне казалось, что ожоги на коже навсегда останутся.

Мы несколько дней боролись. Я не хотел жить, а он вломился в мою гробницу — простите, в комнату! — и прямо с порога отказал мне в праве умереть. Наотрез. Без обсуждений. И все-таки победил, паршивец. Рон вернул меня в мое собственное тело. Не отходил от меня даже на минуту. Я ненавидел его за то, что он не дает мне уйти туда, к нему…

В конце концов Рон разделил меня с ним. Заставил разжать пальцы и отпустить край алой спортивной мантии, позволить ему ускользнуть от меня в темное небо… Это было как вторая смерть. И — новое начало, от которого я отказывался с такой яростью. Согласиться жить в мире, где больше нет его? Ни за что! Я бы никогда не согласился, если бы не Рон. Я засыпал и просыпался на его плече, в его крепких, горячих руках. Он постоянно сидел рядом. Кормил. Поил. Заставлял умываться, помогал бриться и одеваться. И так день за днем. Потом укладывал в постель, поил сонным отваром и обнимал. Он храпел мне в ухо, но даже на мгновение не разжимал руки. Просыпался от моих криков, успокаивал. Снова обнимал. И так ночь за ночью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.